

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 2022 г. ● № 1-2 (299-300) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Александр ЛЕОНИДОВ

Фальшивая литература – фальшивая душа

то и убить) свободное время. Отрицание значения Союза писателей вытекало (я неизбежно) именно из такого подхода к «худолиту».

Никаких вопросов качества развлекательного чтива для либерала не существует – много и быть не может в его картине мира. Поскольку речь идёт о форме досуга – каждый выбирает себе то, что ему по вкусу, или совсем ничего (предпочитая чтению пьянку). Одному, допустим, нравится ненаучная фантастика больше, чем научная (она легче идёт в неразработанные мозги). Другому «мыло-драма» вместо подлинной драмы: меньше извилины напрягать. Третьему вообще ничего не идёт, даже комиксы уже непосильны...

Понятие «низкопробное чтиво» использовалось советской культурой, советской критикой, но совершенно не свойственно современным либеральным кругам. На либеральный язык слово «низкопробный» не переводится, не имеет в нём аналогов. Там бывают «бестселлеры» – т.е. хорошо продающиеся издания. Бывают издания, продающиеся так себе, а бывают и вовсе «пропащие», убыточные, которые не раскулают.

Эта связь *книголюбия* с вопросами *продажности*, подозрительно напоминающая проституцию, ничуть не смущает либералов-западников, а наоборот, приводит их в восторг. И не только не скрывается, но и активно рекламируется как высшее проявление «свободы выбора», и вообще «свободы» в либеральном смысле слова. С первых же лет «гласности и перестройки» (мне тогда было двенадцать, но я помню) «свободные художники слова» стали приставать к Союзам писателей (региональному, республиканскому, союзному) с вопросом, казавшимся им непрошибаемо-аргументированным: «А кто ты такой, чтобы делать мне замечания?!».

Принята была схема, совершенно фантастическая – как и всё в голове у «демократов», но не подвергавшаяся сомнению, «свободной конкуренции». Она уравнила творчество с творцом, как однокоренные слова. Как выбирать себе покупатель творог по вкусу, так и творчество он должен выбирать. Голосуя рублём. Общий итог продаж и показывая качество писателя. Если он плохо продаётся, то он плохой писатель. Если хорошо и быстро продаётся – то прекрасный писатель...

А теперь вернитесь глазом, и прочитайте снова, со слов «если плохо продаётся»... Ничего не цепляет?! А если про друга так сказать, мол, который быстро и легко продаётся – хороший друг, а остальные – не ахти товарищи?

Разумеется, Союз писателей играл роль профсоюза для творческих работников, и очень хорошо её исполнял (писатели были благоустроенны), но, помимо этого, Союз писателей имеет и определённую философию, заложенную в само его строение Сталиным и Горьким, стоявшим у истоков могучей организации.

Суть этой философии в том, что профессионалы должны оценивать профессионалов. Кто может сказать о химике – хорош ли он как химик? Только химики. Имеет ли смысл осуждать качество работы химика или биолога в цирке с клоунами? Выяснять, какой из химиков симпатичнее клоунам, а какой не очень нравится? Во всякой отрасли профессиональное сообщество оценивает качество работы своего члена. По-другому (например, выставлением вопроса на всенародное голосование) – не получится. Если мы хотим объективной оценки, мы не можем заигрывать со вкусовщиной.

Появилась, окрепла, а потом стала едва ли не единственной в нашей стране «коммерческая литература», родная сестра западной массовой литературы. Мнение профессионального сообщества решили заменить оценкой денежных сборов. А раз так (если деньги всё решают!) – то выработанные тысячелетиями цивилизации *объективные* критерии оценки качества художественной литературы оказались на помойке.

Напомню, если забыли, что цивилизация – больше, чем базар. Это на базаре всё решается спросом. А в рамках цивилизованного образа жизни культурного человека учат вполне определённым критериям качества книжной продукции, которые вкусовщина, субъективному мнению никак не подвластны.

Мы можем (и должны!) их называть. Это богатство художественно-изобразительных форм словесности; это оригинальность произведения, его непохожесть, неподрожательность уже имеющимся; и это идейно-смысловая содержательность текста, заставляющая думать, пробуждающая мыслительный процесс в читателе. Если все эти три *объективных* проявления качества в произведении есть – перед нами шедевр, и совершенно не важно, нравится он нам или не нравится, как мы относимся к автору, и т.п.

Вопросы качества художественной литературы

«*Какие такие вопросы качества? – сразу же возмутится либерал. – Не позволю про художественную литературу такие песни петь! Опять в ГУЛАГ зовёте, стандарты навязываете?!*». С точки зрения либералов, согласно западному подходу – художественная литература относится к сфере услуг и является формой досуга, одним из многих (наряду с фитнесом, картами и домино) способов скоротать (я

Коммерческая литература все три проявления качества художественной литературы сняла. Нищенский, жалкий и козявый словарный запас авторов, учившихся языку в подворотнях, доходящая до патологии *шаблонность* коммерческих книжных «серий», в которых задача не подражать заменена на прямо противоположную: подражать как можно полнее. Восславленная горе-теоретиками либеральной литературы безыдейность, бессмысленность, декадентская «ниоичёмность»...

– А людям это нравится. А люди только это и читают! – говорит коммерческий редактор, поневоле признавая наш погрёк.

Согласно либеральным теориям (бредовым) – спрос рождает предложение. Есть, мол, у рынка запрос – и производитель, услышав покупателей, его удовлетворяет...

На самом деле, даже если мы говорим о творце, а не о творчестве, – не только спрос рождает предложение, но и предложение, особенно навязчивое, – рождает спрос на себя. Об этом написано даже в американских (в целом лживых) учебниках по экономике! Зачем нужна была бы коммерческая реклама, если бы настойчивое и упорное втюхивание не порождало бы уступки зомбированного потребителя в виде спроса с его стороны на то, что втюхивают? Ещё вчера он и не думал, как сильно ему нужна совершенно ненужная вещь – а сегодня, под воздействием обработки мозгов, – жить не может без творца «Кладбищенского» и колбасы «Останкинской»...

И это мы ещё говорим только о *творце*! А что мы скажем о *творчестве*?! Творческий продукт гораздо в большей степени склонен определять спрос навязчивостью предложения, чем, например, пищевой. Книга – романы, повести, рассказы, стихи – вообще, по самой сути своей – это «продукт отложенной оценки».

Колбасу любимой марки мы берём снова и снова – потому что уже знаем её вкус, и он нам нравится. Но мы же не будем брать снова и снова одну и ту же книгу! Если автор нам неизвестен (а как он будет известен, если его не прочитать?! – мы должны сперва приобрести книгу, потом осилить её, и только после этого сделать оценочный вывод. Здесь схема «вначале оценили – потом приобрели» не работает, потому что творчество – не творог, при всём сходстве корнесловий. Что же получается в бредовой картине мира у либералов? Выходят тысячи и тысячи книг. Чтобы их все оценить – некий мифический читатель (и не один, а миллионы таковых!) должен все эти тысячи наименований приобретать, читать от корки до корки, и самостоятельно вести отсев шлака, выделение истинного Слова и Красоты...

Оставим в стороне то, что малообразованный, недостаточно культурно развитый человек такую работу мысли произвести некомпетентен: чего уж, потеряв голову, по волосам плакать? Мы уж готовы согласиться с оценкой самого малообразованного читателя... Да только её не будет! Потому что – ни для кого не под силу справиться с чудовищным валом «самиздата», «тамиздата», «комиздата» и этими прилавками книжных новинок, заставленными с пола до потолка разноцветными переплётами.

А это значит, что книга попадает человеку в руки либо случайно, либо (это чаще) – под давлением коммерческой рекламы; никакого свободного выбора нет, а есть навязывание, подлог, который сверхбогатые (и очень лукавые) конструкторы душ человеческих обрушивают на простого обывателя. Все мы помним «списки литературы на лето», которые выдавались (и выдаются) в школах ученикам. Примерно знаем и принципы их составления, не во всём с ними согласны, но, по крайней мере, они в основе своей рациональны, исходят из цели «сеять разумное, доброе, вечное». А кто формирует повестку чтения для взрослого, «свободного» человека?

Если её не формирует Союз писателей (то есть оценка профессионала профессиональным сообществом), то – совершенно очевидно! – её формируют тёмные рыночные дельцы. Исходя, разумеется, не из общественного блага, а из собственных, весьма мрачных, доходящих порой до умопомрачения, целей...

При всём богатстве выбора литературы общество видит её такой и только такой – какой ему навязывают её богатые спонсоры, взявшие шефство над своими авторами-любимчиками. А любовь – зла, полюбишь и козла, особенно если она по расчёту! Популярность Солженицыных, Яхиных, Быковых – она именно отсюда идёт. Не от народа (все соцпросы показывают, что эти авторы «страшно далеки от народа»). Просто некий скоробогатый миллиардер, «олигарх» спонсирует у ли своего племянника, то ли просто нужного пропагандиста. Выдувает его совершенно случайной фигуры «классика» – и тут уже нет речи ни об одном параметре выработанных цивилизацией критериев оценки художественного качества.

Можно писать косноязычно ни о чём и грубо подражая предшественнику в «книжной серии», вплоть до прямого плагиата. Короче, можно всё! И хотя по всем нормам культуры ты будешь никто, по нормам денежных отношений, с помощью агрессивной рекламы, аллодисментов покупной кланки и постоянной раскрутки можно сделать из «механического укладчика букв» – «гиганта мысли и отца русской демократии».

(Окончание – стр.3)

Главы из романа Николая Иванова о суворовцах см. на стр. 6-7

В прошедшем году было много разных событий, но, думаю, что главным событием, содержательно главным, – была развёрнутая в глобальном масштабе социальная война верхов против низов. Ещё в 90-ые годы Кристофер Лэш, американский социолог, запустил термин «восстание элит». И книжка у него такая была «Восстание элит». Речь шла о том, что после того, как с десятых годов XX века и кульминационной Октябрьской революции 17-го года шло наступление масс, где-то на рубеже 60-70-х годов оно стало пробуксовывать, и развернулось контрнаступление элит.

И развернулось оно потому, что уже на рубеже 60-70 годов капиталистическая система зашла в тупик. Это прекрасно понимали на Западе. Они прекрасно понимали, что нужно менять строй, что дальнейшее промышленное и демократическое развитие политической системы приведёт к усилению рабочего класса, его верхушки и среднего слоя. И с этим нужно что-то делать. Но пока существовал Советский Союз, решить эту про-

противоречия, которые обычно в истории капитализма снимались мировыми войнами.

Мировая война невозможна с точки зрения наличия ядерного оружия. Этот вариант невозможен. Но мировая война – это вид социальной катастрофы. Кто сказал, что такая «горячая» война – это единственный вид социальной катастрофы? Бывают и другие виды. Например, в 2010 году Аттали, когда его спросили, какие факторы, могут облегчить переход к новому мировому порядку, ответил, что факторы эти самые разные и среди них назвал и пандемию. Или то, что может быть объявлено в качестве пандемии... Обратите внимание, недавно ВОЗ сделала заявление, что они не объявляли пандемию официально, это было лишь неофициальным мнением... То есть они открылись: все претензии правительствам, ВОЗ здесь ни при чём. Но, тем не менее, именно ВОЗ объявила пандемию. И правительства, за исключением Швеции и Белоруссии, все взяли под контроль.

Андрей ФУРСОВ

Три главных удара по человечеству

Какой мир строят мировые элиты

блему было невозможно. Поэтому сначала Советский Союз, советскую номенклатуру, жадную, тупую советскую номенклатуру, втянули по линии Римского клуба в глобальные игры. А затем в 80-е годы, найдя в самом Советском Союзе те силы, которые стремились изменить социальную-экономическую строй, Советский Союз разрушили.

Разрушение Советского Союза привело к тому, что Запад, вся его капиталистическая система получили 15-20 «жирных» лет. Это время, когда грабили бывший социалистический лагерь, и на этом наживались. Однако кризис 2008 года пришёл... Он был отложен, он должен был случиться ещё в 93-95 годах, по прогнозам западным же и советским. Был такой замечательный у нас в Советском Союзе прогнозист, учёный, вообще, потрясающая личность – Побиск Кузнецов. Так вот, он в 82-м году написал для Андропова прогноз, согласно которому в 93-95 годах должен был разразиться такой кризис, после которого капиталистическая система в том виде, в котором она существовала 20 лет, существовать прекращалась. Я не знаю, дошёл ли прогноз до Андропова, но до западных аналитических центров он точно дошёл. Так вот, кризис был отодвинут до 2008 года, а затем он произошёл, и стало понятно, что система сыпется.

Кризис «загнали» деньгами, которые после этого перестали быть деньгами. Ведь деньги – это не бумага, это некий инструмент. У денег есть пять функций. И если я могу напечатать триллион долларов и запустить их, то это уже не деньги, не финансы. Это уже нечто другое. И именно в 2008 году финансовый капитал превращается в финансовализм. То есть в вещь, которая уже связана не с деньгами, а с волей тех, кто крутит денежную машину. И стало совершенно понятно, что капитализм должен окончательно превратиться во что-то другое. Но для этого нужна ситуация, когда есть два конкурирующих центра. Советского Союза нет, значит, нужно создать некое иное напряжение. И в 2007-2008-х годах на Западе был разработан эволюционный план перехода к посткапитализму.

В основе этого плана лежали Соединённые Штаты, сохранение их как кластера транснациональных корпораций, а отчасти как государства. И план был рассчитан на 16 лет: 8 лет – Обама, 8 лет – его сменщица Клинтон. В основе этого плана лежало создание двух трансокеанских сообществ: Трансатлантического и Транстихоокеанского. Эти сообщества должны были конкурировать между собой и, таким образом, создать новую динамику развития системы, которая плавно переросла бы из капитализма в посткапитализм. А верхушка сохранила бы свои позиции и в посткапиталистическом обществе.

Причём эти два трансокеанских сообщества планировались таким образом: в них создавались мега-корпорации, которые господствовали бы над государствами. Например, в Транстихоокеанском сообществе их система правил, их «конституция» взяла за образец отношения Ост-Индской компании с индийскими княжествами. Только теперь роль Ост-Индской компании отводилась корпорациям, а роль индийских княжеств – государствам. То есть речь шла о приватизации юридической сферы, о приватизации государства как такового. Но гладко было на бумаге...

В 2016 году появляется Трамп. Те силы, которых не устраивал такой вариант, при котором господствовали бы платформы типа Гугл, Майкрософт и т.д., провели своего кандидата. И Трамп нарочно попомал то, что восстанавливать невозможно, – Транстихоокеанское и Трансатлантическое сообщества. Тем силам, которые вели когда-то Обаму к власти, стало совершенно понятно, что Соединённые Штаты не могут быть базой эволюционного перехода. Нужно что-то другое, и Соединёнными Штатами придётся пожертвовать. И возник вопрос, как снять те

смотреть в глаза. Потребовал у повара дополнительную информацию: – Когда появлялся здесь последний раз?

Перешли на русский язык, чтобы не тратить время на перевод.

– Где-то перед сентябрём. Да-да, перед школой. Пан майор ещё предупреждал, чтобы не бросал учиться. Сирота.

– А это сиротинушка, как мы видим, не слушает старших. Не учится почему-то. – Артём снова, но уже достаточно жестоко, вздёрнул подбородок. Как же ты не вовремя появился, повар Петро!

Артиллерист тем временем проворно, с умением, прошёлся ладонями по одежде. Замер на пузрышке с керосином, понахал содержимое. Артём торопливо объяснился: – Когда холодно, у костра греюсь. Хотите спичек? Я могу принести охотничьи, в воде горят. Пану майору понравились...

(Продолжение – стр.6-7)

Суворовец Воевода – боец Республики Николай ИВАНОВ

Главы из романа

1.

Вместо знакомого пана майора к часовому, задержавшему Артёма-попшойки, пришёл новый командир – высокий, поджарый капитан с чёрной щетиной, почти ставшей бородой. Никаких показушных пистолетов, пулемётов, ножей-финок, только «Ксюха» на плече – АКСУ, автомат Калашникова складной укороченный. Всё толково, без понтов. Это в бою пулемёт играет первую скрипку, а по траншее бегать именно с раскладухой «Ксюхой» самое то...

Но плохо, что командир новый. Потребуется больше объяснений. И скорее всего, он дал команду на открытие огня по блокпосту.

– Подъ сюда, – капитан остановился на расстеленном посреди «отдыхайки» флаге ДНР.

Артём вынужден был ступить на распытое полотно. Хорошо, что надел бури, они мягкие, вроде и не топчет материю...

– Пан командир, я случайно к вам. Мамки-папки нету, одна бабуля, я и подрабатываю, чем могу, – опережая вопросы, традиционно начал лепить из себя бедного янёнёна Артём.

А сам, якобы в испуге, косил глаз, отмечая изменения на позициях. Орудийные стволы покрыты новенькой белой масксетью. На три ствола вроде больше стало. Кончился украинский «каннибализм», когда техника пожирала друг друга,

продолжая жить только за счёт запчастей от соседней на складах? На бруствере появилась «Дашка» – пулемёт Дегтярёва-Шпагина крупнокалиберный. Укрепляются на случай нападения? Так что же в лоб пойдёт атаковать, хрен вам и ни хрена. В шахте, ребята, не играют в прятки, на Донбасе всё серьёзно. И он свои глаза всегда с собой носит. Хотя в данный момент желательно делать отсюда ноги.

– Если у вас надо что убраться, я готов за еду... – Дать хлеба и гнать вшей! – не допустил постороннего ни на миллиметр к позициям и ни на йоту к своей душе капитан.

Зато можно сойти с флага Республики.

– Петро!

Прибежавший повар заулыбался, узнавая Артёма. Эта откровенная радость, однако, насторожила командира.

– Погодь, погодь трошки. Так він що, нэ першый раз тут?

– Та з паном майором разом супчик тут обідали... Знались...

– Та-ак, интересно... – артиллерист подтянул из-за плеча «Ксюху», положил на автомат ладонь. Сумрачный часовой проделал то же самое. – И что это мы повадились на боевые позиции шастать, а, хлопчик? Ты чей будеш? – Офицер пальчиком поднял подбородок Артёма, заставляя